

КУРТ ЛЕВИН

Методолог научной психологии

Если попытаться построить нечто вроде рейтинга психологов по степени их влияния на развитие психологической науки как при жизни, так и после своей смерти, мало сомнений, что Курт Левин войдет, по меньшей мере, в первую десятку. Гордон Олпорт в статье с выразительным названием «Гений Курта Левина» назвал его «возможно, самым оригинальным мыслителем XX века» [1]. Курт Левин не прожил и шестидесяти лет, но мало кто оказал столь мощное и одновременно широкое влияние на очень многие направления и разделы психологии, как он. Он не только внес вклад в психологическое знание — он во многом определил сами пути, которыми оно развивалось, и формы, которые оно принимало.

Кроме того, для российских психологов имя Левина несет в себе не только научное значение, но и специфический личностный смысл. Хотя до 2000 года работы Левина (за исключением отдельных статей) не выходили на русском языке, исторически сложилось так, что этот автор воспринимался у нас как в наибольшей степени «свой» из всех зарубежных классиков. В тридцатые годы Левин бывал в Москве, общался и переписывался с Л.С. Выготским и А.Р. Лурия, которые планировали перевод работ Левина на русский [2]. Тогда же некоторые берлинские ученики Левина приехали в Советский Союз и стали работать у нас, привнося его

идеи и подходы в становившуюся советскую психологию. Наиболее известна из них Блюма Вульфовна Зейгарник, которая долгие годы была одним из ведущих профессоров факультета психологии МГУ. Ниже мы коснемся конкретного влияния идей Левина на деятельностный подход и теоретических переключек между ними, во многом благодаря которым подход Левина в той мере, в которой он был известен в нашей стране, воспринимался у нас с симпатией, и даже в период наиболее жесткой нормативной идеологической критики в адрес всех без исключения направлений «буржуазной» психологии его «ругали» более чем мягко. Известность же Левина в нашей стране долгие годы ограничивалась посвященной ему небольшой книгой.

Б.В. Зейгарник [3], в которой излагались преимущественно его конкретно-теоретические положения и экспериментальные подходы первого — берлинского — периода его деятельности, а также сокращенными переводами некоторых статей, включенных в хрестоматию по истории психологии.

Только в 2000 году началось полноценное знакомство российских читателей со взглядами Левина по первоисточникам. Это знакомство началось «с конца» — с двух последних книг Левина, вышедших в свет уже после его смерти и включавших избранные статьи американского периода его де-

тельности [4]. В российское издание одной из них был включен, в частности, весьма объемистый и содержательный очерк жизни и творчества Левина, написанный Н.В. Гришиной [5], что отчасти облегчает нашу задачу и позволяет в данном издании обойтись без изложения многих биографических обстоятельств жизни Левина. Его внешняя научная биография выглядит довольно простой (чего не скажешь о его интеллектуальной биографии): родился в 1890 году, в 1920-е годы работал в Берлинском университете и создал школу экспериментального исследования действий и аффективных процессов, по своим теоретическим взглядам был близок к гештальтпсихологам, с приходом Гитлера к власти эмигрировал в США, где его теории приобрели утонченно формализованный оттенок, а экспериментальные интересы сдвинулись в сторону исследования групповых и вообще социальных процессов; умер в 1947 году. В очерке Н.В. Гришиной весьма подробно проанализированы работы Левина американского периода, более ранним же трудам уделено значительно меньше внимания.

Для психологии XXI в. значение и актуальность многого из созданного Левином 50 – 80 лет тому назад определяется, на наш взгляд, прежде всего тем, что Левин принадлежал к числу не столь уж многих психологов двадцатого века, работавших методологически осознанно и осмысленно. С самого начала его работы в области психологии проблема методологии, то есть вопрос о том, каким должно быть научное пси-

хологическое мышление, оказывается в центре его интересов и занимает это место до самого конца. Благодаря этому Левину удалось не только резко расширить сферу экспериментальной психологии, включив в нее целые области, которые ранее считались недоступными строго научному изучению – процессы эмоций и образования намерения, волю и постановку целей, стиль лидерства и групповую атмосферу, проблемы власти и социальных изменений и т.д. (этот перечень можно продолжать очень долго), но и создать к концу жизни такой способ психологического мышления, который еще далеко не полностью освоен современной психологией и до сих пор не исчерпал своих эвристических возможностей.

Поэтому задача составителей данного издания и авторов вступительной статьи – представить Курта Левина по возможности системно – как мыслителя, взгляды которого охватывали разные области и уровни психологического знания и развивались с течением времени, сохранив при этом в центре внимания фигуру Левина-методолога. Мы до сих пор находим у него полезные ответы на многие психологические задачи, с которыми сталкиваемся, но самое ценное в его работах – не эти ответы, а способы решения. Ученые охотно делятся с нами своими мыслями, но многие ли способны, как Левин, поделиться мышлением!

Состав данного издания отражает основные вехи интеллектуальной биографии этого выдающегося мыслителя.

1. Первая методологическая программа Левина: переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому и построение психологии «галилеевского» типа (1917—1931)

Начало. Библиография работ Левина открывается статьей «Военный ландшафт» (1917), включенной в данное издание. Нечасто дебютная публикация молодого ученого оказывается настолько весомой, что сразу обеспечивает себе место в «Избранном». Эта статья носит феноменологический характер и сразу как бы задает лейтмотив будущих теоретических поисков Левина, предвосхищая идеи «психологического поля» и действующих на человека «психологических сил».

Приехав на то место, где, служа в артиллерии в годы Первой мировой войны, он был во время военных действий, Левин обнаруживает, что тот же ландшафт воспринимается совершенно иначе. Уже здесь появляется идея психологической ситуации: нет просто местности, есть воспринятая определенным образом местность, и она оказывают существенное влияние на наши действия. Военные действия структурируют ситуацию одним образом, мирный контекст — совершенно другим. Описание военного ландшафта очень напоминает позднейшие описания психологического поля — как всего, что существует для человека психологически (Левин говорит, в частности, о направленности ландшафта, граничной зоне, местах опасности, границе местности и т.д.). По сути, здесь намечается круг проблем, которые будут интересовать Курта Левина на протяжении всей жизни.

После «Военного ландшафта» Левин публикует ряд довольно разнообразных, на первый взгляд, работ, распадающихся на две большие группы: экспериментальные лабораторные исследования достаточно классического типа (вот лишь некоторые их темы: влияние интерференции на интенсивность слышимых звуков, проблемы измерения волевых процессов и основной закон ассоциаций, восприятие перевернутых слов и фигур) и статьи по теории и методологии науки (понятие родственности в биологии и физике, понятие возникновения в физике, биологии и истории развития, идея и задача сравнительной теории науки). Темы его работ наводят на мысль о том, что он активно осваивает уже имеющиеся в психологии методы исследования и способы мышления и ищет недостающие методологические средства в физике, биологии и общей теории науки.

К «галилеевской» психологии. Результатом методологических и теоретических поисков Левина стала программа построения психологии «галилеевского» типа, в значительной степени реализованная в начатом в 1924 году цикле выполненных под его руководством экспериментальных исследований по психологии мотивации и аффектов и в первой крупной теоретической работе Левина «Намерение, воля и потребность» (1926). Во второй половине двадцатых годов Левин резюмирует итоги своих поисков в двух

принципиально важных чисто методологических работах: «Закон и эксперимент в психологии» (1927) и «Переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому в психологии и биологии» (1931). В этот период психология видится Левину как часть биологии; в конце жизни он будет считать ее одной из социальных наук.

Что же такое «галилеевский» способ мышления в понимании Курта Левина? Ключевой идеей этого способа мышления является принцип законосообразности психического и стремление вывести законы психики, столь же строгие и всеобъемлющие, как и законы ньютоново-галилеевской физики. На основе этого Левин собирался вписать психологию в классическую естественнонаучную картину мира. В отличие от большинства современных ему психологов, Левин считает: все без исключения – в том числе и «высшие» психические явления закономерны и подлежат научному, в том числе и экспериментальному, исследованию, могут и должны быть найдены законы, которым они подчиняются. В статье «Закон и эксперимент в психологии» Левин сравнивает и противопоставляет друг другу научные законы, с одной стороны, и правила, выводимые на основе статистического обобщения, – с другой: закон общезначим, он действует во всех без исключения случаях и этим отличается от правила, обобщающего часто встречающиеся случаи. С этим противопоставлением связана и критика Левином «духа статистики», господствовавшего в современной ему экспериментальной психологии и

господствующего и поныне, а также сравнительный анализ причинной зависимости и простой регулярности.

Другая его принципиальная методологическая идея – важность индивидуального события, а не общего усредненного «класса», стремление к полному описанию конкретного индивидуального случая. Если в сфере психических явлений действуют столь же общезначимые законы, как и в мире физического, то любое индивидуальное событие закономерно, а вовсе не случайно, и не менее достойно изучения, чем всевозможные «средние» случаи (средний ребенок того или иного возраста, средний представитель той или иной национальности и т.д.).

Индивидуальный случай дает результаты, на первый взгляд отклоняющиеся от предсказываемых теорией, не потому, что предсказание носит стохастический характер и допускает разброс, а потому, что он практически никогда не бывает «чистым», управляемым только одной закономерностью. Обычно в индивидуальном случае друг на друга накладывается целый ряд законов, каждый из которых предполагает вполне точные предсказания. Трудность, однако, состоит в том, чтобы выделить все законы, действующие в индивидуальном случае и образующие лишь видимость единого процесса. В работе «Закон и эксперимент в психологии» Левин иллюстрирует это простым и наглядным примером траектории движения неодушевленного объекта (см. с. 38, рис. 1). То, что на первый взгляд кажется одним процессом, при более пристальном рассмотрении

оказывается целой серией переходящих друг в друга процессов, каждый из которых управляется своими законами движения. На этом основании Левин разводит понятия фенотипические (описательно характеризующие комплексный процесс в совокупности «историко-географических», то есть пространственно-временных условий его протекания в индивидуальном случае) и каузально-генетические (отвечающие на вопрос «почему?» и направленные не на описание события или феномена, а на его объяснение в терминах однозначно трактуемых законов).

Еще одна важная методологическая идея Левина – сдвиг акцента с «природы объекта» на анализ его взаимосвязей и взаимоотношений с другими объектами, с его окружением. Одной из кардинальных характеристик аристотелевского способа мышления и всей послеаристотелевской науки на протяжении двух тысячелетий было приписывание свойств, которые проявляет объект, самому объекту, его природе. Галилей же поставил вопрос иначе: любой объект проявляет свои свойства во взаимодействии с другими объектами, стало быть, свойства и являются характеристикой конкретных взаимодействий между объектами. Например, вес тела – это не имманентно присущее его «природе» свойство, а характеристика его взаимодействия с гравитационным полем Земли. Левин призвал приложить эту логику рассуждений к психологическим свойствам человека; результатом стала блестящая серия экспериментов и новая теория поведенческой динамики.

Экспериментальное изучение действий и аффектов. «Галилеевский» способ мышления реализуется в выполнявшемся под руководством Левина цикле экспериментальных исследований «по психологии действий и аффектов» (работы Б. Зейгарник, А. Карстен, М. Овсянкиной, Т. Дембо, Ф. Хоппе, Г. Биренбаум, Дж. Брауна, С. Фаянс, В. Малер, К. Лисснер и других его учеников), а также в первой крупной теоретической работе Левина – «Намерение, воля и потребность». Характерен уже сам выбор предмета исследования – воля и намерение традиционно относились к «высшим» процессам и считались недоступными научному исследованию, а потому их рассмотрение было прерогативой литературы и «понимающей» психологии. Этот цикл исследований, как и их теоретическое осмысление Левином, ясно показывают, что тонкие закономерности мотивационно-смысловой динамики доступны не только психоанализу или понимающей психологии, но и строгому экспериментальному изучению (если не подменять его статистическими обобщениями). Некоторые из работ этого цикла – Зейгарник (полностью), Карстен и Дембо (в сокращении) – включены в настоящее издание.

Прежде всего, «галилеевский» способ мышления определил сам выбор предмета исследований: раз закономерны все психические процессы, а не только «низшие», то вполне правомерно взять в качестве предмета исследования феномены, относящиеся именно к «высшим» сферам психического, к сферам, считавшимся ранее недоступными для экспериментально-

го исследования. Что и было сделано: исследовались влияние мотивации на запоминание (Зейгарник), явления психического насыщения, относящиеся к многообразным ситуациям повседневной жизни, таким как игра на фортепиано, слушание доклада, чтение книги, а также разного рода ситуативные обстоятельства, например, общение с определенным человеком, в частности, в браке (Карстен). Далее, авторы исследований тщательно анализируют не только общие тенденции, но и отдельные индивидуальные случаи (особенно те, которые являются видимым «исключением»), и выявляют условия, приводящие к тем или иным особенностям «фенотипа». По глубине и тонкости такого феноменологического анализа индивидуальных случаев студенты Левина дадут фору подавляющему большинству современных сертифицированных психотерапевтов. И наконец, последовательно проводится принцип различения генотипа и фенотипа, что проявляется в разделении описания экспериментальных исследований на собственно описательную и «каузально-динамическую» части.

Одно из главных следствий «галилеевского» подхода к проблемам динамики действия, которые занимали Левина в 1920-е годы, заключалось в том, что характеристики, через которые мы можем описать объект, его поведение в различных ситуациях, не следует понимать как атрибуты, присущие объекту в силу его качественно своеобразной «природы» (то есть по-аристотелевски). Они обнаруживаются только в контексте определенной си-

туации, во взаимодействии с другими объектами и ситуацией в целом. Мы не можем ничего сказать про личность, если изыдем ее из взаимодействия с окружающей ее реальностью. Совокупность взаимосвязей элементов внешней (объективной) и внутренней (психологической) ситуации Левин описывает с помощью заимствованного из физики понятия поля. Поле характеризуется определенной топологией (в нем выделяются области, разделенные границами разной степени жесткости) и определенной динамикой сил, влияющих на находящегося в этом поле индивида, которые в разных точках поля могут существенно различаться. Поведение таким образом предстает как функция специфической констелляции сил поля, порождающих в индивиде напряженные системы, стремящиеся к своей разрядке. Именно закономерности возникновения, развития и исчезновения разного рода напряженных систем в психологическом поле лежат в основе всех психических явлений.

«Намерение, воля и потребность». Первой сравнительно большой общетеоретической работой Левина, в которой он предложил достаточно детально разработанную общепсихологическую объяснительную модель поведенческой динамики, стала его включенная в настоящее издание книга «Намерение, воля и потребность», опиравшаяся на результаты первых экспериментов Овсянкиной, Зейгарник, Биренбаум, Карстен. В этой книге Левин, почти не дискутируя открыто с Фрейдом, предлагает весьма убедительный ответ академической психологии на вызов

Фрейда, по сути первым обратившего внимание на игнорировавшуюся до него область изучения побудительных сил человеческих поступков.

Избегая, в отличие от Фрейда, радикальных теоретических допущений, Левин предлагает свою, вполне конкурентоспособную версию психодинамики – концепции законов и механизмов трансформаций энергии побудительных сил человека в конкретные действия. Ключевые понятия Левина вынесены в заглавие книги. Потребности он рассматривает как напряженные системы, порождающие напряжение, разрядка которого происходит в действии при наступлении «подходящего случая». Намерения динамически подобны потребностям, хотя имеют иную природу; для характеристики их динамической стороны Левин вводит довольно точный термин «квазипотребность». В понятие волевых процессов Левин включает целый спектр преднамеренных процессов разной степени произвольности, обращая внимание на такой их признак, как произвольное конструирование будущего поля, в котором само действие должно произойти уже автоматически.

Особое место занимает в модели Левина понятие *Aufforderungscharakter*, которое переводили на русский язык как «характер требования», «требовательный характер» или «побудительный характер». В данном издании принят двойной вариант перевода: побудительность (там, где есть квалификатор чего) или побудитель (там, где такого уточнения нет). Констатируя известный факт, что предметы всегда вос-

принимаются нами пристрастно, обладают для нас определенной эмоциональной окраской, Левин замечает, что помимо этого они как бы требуют от нас выполнения по отношению к себе определенной деятельности. «Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери – открывать и закрывать их, мелкие крошки – подбирать их, собака – ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели» (см. с. 139 наст. изд.). Побудительность может различаться по интенсивности и по знаку (притягивающему или отталкивающему), но это, по мнению Левина, не главное. Гораздо важнее то, что объекты побуждают к определенным, более или менее узко очерченным действиям, которые могут быть чрезвычайно различными, даже если ограничиться только положительными побудителями. Приводимые Левином факты свидетельствуют о прямой связи изменений побудительности объектов с динамикой потребностей и квазипотребностей субъекта, а также его жизненных целей. Левин дает богатое описание феноменологии побудительности, которая меняется в зависимости от ситуации, а также в результате осуществления требуемых действий. Так, например, как показали проведенные под руководством Левина эксперименты А. Карстен, насыщение ведет к потере объектом и действием побудительности, а пресыщение выражается в смене положительной побудительности на отрицательную; одновремен-

но положительную побудительность приобретают посторонние вещи и занятия, особенно в чем-то противоположные исходному. Действия и их элементы также могут утрачивать свою естественную побудительность в результате автоматизации. И наоборот: с повышением интенсивности потребностей не только усиливается побудительность отвечающих им объектов, но и расширяется круг таких объектов (голодный человек становится менее привередливым).

Левин и психология деятельности. Работы Левина этого периода оказали заметное влияние на становление психологии деятельности у нас в стране. Эвристическое влияние идей Левина на работы Выготского хорошо заметно в «Истории развития высших психических функций» [6]. В меньшей степени это можно сказать про работы А.Р. Лурия. Но наиболее сильное влияние Левин оказал на теоретические идеи А.Н. Леонтьева, хотя у нас нет сведений о том, что они когда-либо встречались или даже переписывались. Более того, за исключением работы «Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей ЦПКиО им. Горького», написанной в 1935 году и опубликованной лишь в 1999 [7], А.Н. Леонтьев нигде не ссылается на Левина, хотя те, кто был знаком с А.Н. Леонтьевым лично, помнят, что словосочетание «полевое поведение» как оппозиция поведению волевому входило в число его излюбленных обиходных выражений.

Упомянутая работа представляет собой статью, написанную на основе

отчета психологической бригады Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), проводившей под руководством А.Н. Леонтьева прикладное исследование. В этот период Леонтьев уже сделал выбор в пользу практической деятельности как магистрального направления изучения явлений психики и сознания и начал проводить в Харькове новый цикл экспериментальных работ на этой основе, однако его теоретическая концепция еще не обрела свой сколько-нибудь цельный вид. Теоретический базис исследования, проведенного в ЦПКиО, – это любопытный и довольно органичный синтез динамической теории Левина и собственных идей Леонтьева. Левиновские идеи побудительности объектов окружения и давления напряженных квазипотребностных систем плавно перетекают в деятельностные и культурно-исторические идеи о формировании структур развивающейся деятельности через целенаправленную организацию среды; квазиестественный эксперимент левиновского типа оборачивается психотехнической стратегией Выготского!

Отсутствие ссылок на Левина в работах Леонтьева более позднего периода вполне объяснимо — враги тогда определялись преимущественно по географическому признаку, и, начиная с середины 1930-х годов, ссылаться на какие бы то ни было западные источники в СССР было попросту опасно. В начале сороковых годов Леонтьев выстраивает свое теоретическое здание деятельностного подхода, опираясь на марксистскую философию как на его источник. Но ряд несущих

конструкций этого здания выполнены по наброскам Левина, сделанным в «Намерении, воле и потребности». Среди идей, высказанных Левином и получивших дальнейшее развитие в деятельностном подходе, – интерпретация психических процессов как жизненных процессов, представление об органе действия, идея опредмечивания потребностей и развития потребностей через их предметы, описание автоматизации операций. Все эти идеи получили развитие именно в деятельностном подходе, но не у самого Левина, который, как будет показано ниже, двигался в ином направлении; А.Н. Леонтьев же разработал ряд восходящих к Левину идей о динамике деятельности гораздо дальше и глубже, чем сам Левин. Достаточно упомянуть концепцию личностного смысла, которую правомерно рассматривать как развитие качественных аспектов, сохранившихся в левиновском понятии побудительности, в то время как сам Левин, напротив, двинулся в направлении формализации количественных аспектов побудительности.

Новая методология эксперимента. Хотя физика и выступает для Левина в качестве бесспорного образца научного мышления, однако мы видим, что в своих реальных исследованиях уже в этот период он начинает отклоняться от физического и вообще естественнонаучного способа мышления. Для физика Нового времени индивидуальный случай важен как модельная ситуация, позволяющая обнаружить действие общего закона, и понимание индивидуального случая не предполагает обра-

щения к внутреннему миру падающего камня (скорее это было свойственно как раз Аристотелю, утверждавшему, что легкие тела «стремятся» вверх, а тяжелые вниз). Для Левина же индивидуальный случай важен еще и сам по себе: ему важно понять конкретного ребенка, конкретного испытуемого. Это ярко демонстрируют эксперименты его учеников. Для эффекта Зейгарник оказалось важно, воспринимает ли сам тот или иной испытуемый действие как законченное или как незаконченное. Карстен также обнаружила зависимость динамики насыщения от отношения испытуемого к экспериментальному заданию. Галилею и в голову не мог прийти вопрос, как относится свободно падающий предмет к ситуации эксперимента. Так внимание к индивидуальному случаю влечет за собой реальный выход за пределы «галилеевского», то есть естественнонаучного мышления. Более того, субъективное отношение испытуемых не только учитывалось как переменная, оно управляло самим ходом исследования. «Экспериментатор вел себя не одним и тем же заранее предустановленным образом, но его поведение было обусловлено установкой испытуемого и ей соответствовало» (Зейгарник, с. 441 наст. изд.).

С другой стороны, в экспериментах берлинского периода еще сохраняются и определенные черты традиционного психологического эксперимента: экспериментатор дает испытуемому инструкцию; существует четко определенная ролевая позиция «испытуемого»; используется подсчет средних значений;

испытываемые не знают о реальной цели опытов.

Итак, наряду с основными принципами психологии «галилеевского» типа (принцип закономерности психического, принцип значимости индивидуального события, разведение гено- и фенотипа и выявление генотипа, проявляющегося в виде различных фенотипов) в исследованиях этого периода реально применялся еще один принцип, который остался несформулированным (возможно в силу того, что он никак не вписывался в рамки «галилеевского», то есть ориентированного на физику, способа мышления): важность

субъективного, того, как воспринимает ситуацию сам «испытываемый» и как он к ней относится. Основным методом научного исследования выступает эксперимент, несколько модифицированный, но еще сохраняющий основные черты классического: свой лабораторный характер (эксперимент не включен в реальную жизнь людей, они ставятся в позицию «испытываемых») и «наивность» испытываемых. Только «наивность» испытываемых, незнание ими истинной цели опытов, дает возможность уподобить их свободно падающему физическому телу.

Вторая методологическая программа: «психологическое поле» и попытки его научного анализа (1931-1940)

«Психологическая ситуация награды и наказания». Через пять лет после «Намерения, воли и потребности», в 1931 году, выходит вторая крупная работа Левина – «Психологическая ситуация награды и наказания». Отчасти она носит феноменологический характер и несколько напоминает «Военный ландшафт»: как и там, Левин обращается здесь к опыту повседневной жизни и детально анализирует обычную житейскую ситуацию. Интересно соотношение феноменологических и экспериментальных исследований в творчестве Левина: феноменология оказывается как бы нащупыванием новых теоретических и методологических средств; затем следует экспериментальная разработка тех же тем. Однако здесь, в отличие от «Военного ландшафта», Левин дает не просто фе-

номенологическое описание ситуаций обещания награды и угрозы наказания, а предлагает их типологический анализ.

Левин выделяет несколько типов ситуации обещания награды и ситуации угрозы наказания (обещание награды в ситуациях побуждения и запрета, угроза наказания в ситуации побуждения и запрета, явная и неявная угроза наказания) и сопоставляет их с ситуацией действия, вытекающего из интересов самого ребенка. Он анализирует возникающие в ситуациях угрозы наказания и обещания награды мотивационные конфликты, а также различные варианты поведения, доступные ребенку, описывает возникающее в такого рода ситуациях стремление к выходу из поля (ситуации). Пожалуй, в этой работе Левин впервые, еще за не-

сколько лет до переезда в США, начинает анализировать социальные отношения – отношения власти взрослого по отношению к ребенку, делая фундаментальный вывод о психологической неэффективности наказания. «Психологическая ситуация награды и наказания» – одна из наиболее конкретных работ Левина, она интересна как психологу, так и любому вдумчивому учителю или родителю. Практические ее следствия в полной мере сохраняют свою актуальность и для современной школы (и не только школы).

Отдельное воздействие, утверждает Левин, может оказывать разное влияние в зависимости от общей жизненной ситуации ребенка, «ибо поведение ребенка и психологический смысл того или иного воздействия в ситуации награды и наказания, как и другие формы поведения и эффекты воздействий, отнюдь не определяются изолированным стимулом самим по себе или отдельным внутриспсихическим процессом» (с. 167 наст. изд.). Он вводит понятие «жизненного пространства ребенка» – как того, что существует для ребенка психологически, развивает представления о различных уровнях реальности в жизненном поле. В этом труде в полном объеме ставится задача построения психологического представления ситуации и начинается детальная разработка «топологического» понятийного аппарата, который будет использован в последующих работах: топологическая структура ситуации описывается через области, барьеры и векторы сил.

Принципы «галилеевского» мышле-

ния сохраняют свою полную силу, но на первый план выходит анализ субъективной ситуации – и Левин вынужден искать новые методологические средства и новый эталон научности. Реально он еще дальше уходит здесь за пределы «галилеевского» способа мышления: «внутренняя» ситуация не просто учитывается, а становится основным предметом рассмотрения (важно, какова ситуация для ребенка, а не для внешнего наблюдателя). В поиске новых средств психологического анализа Левин обращается к топологии. Эта проблематика уже не укладывается в рамки естественнонаучного эксперимента, даже модифицированного, а физика перестает быть эталоном научности.

Обращение к математике в поисках средств научного представления психологических фактов. После «Психологической ситуации награды и наказания» Левин, по всей видимости, не может не ощущать недостаточности «галилеевского» мышления в психологии. И хотя он включает английский перевод «Перехода от аристотелевского способа мышления...» в свой первый американский сборник работ[8], он активно ищет новый методологический идеал. Для того, чтобы понять, какой идеал он формулирует для себя в этот период, стоит обратиться к одной из работ, также включенных в упомянутый сборник (и в настоящее издание) – «Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка» (1933).

В значительной мере это изложение для американского читателя тех идей и экспериментальных данных, которые

были уже опубликованы ранее («Переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому», «Намерение, воля и потребность», «Психологическая ситуация награды и наказания»). Но одновременно с переводом левиновских идей на английский язык здесь начинается и перевод их на более формализованный язык — на язык математических формул и графических схем. Множество формул придает этой работе облик скорее учебника физики, чем книги по психологии. Здесь же появляется классическая левиновская формула поведения: $V=f(P,E)$. Цель работы – рассмотреть «психологическое влияние окружения» на развитие ребенка. Понятие психологического окружения становится здесь центральным: «Для того, чтобы исследовать проблемы психологической динамики, мы должны начать с рассмотрения того окружения, которое существует для данного ребенка психологически» (с. 212 наст. изд.). Важно, как те или иные физические или социальные факты выступают для самого ребенка. «Такие социальные факты, как дружба с другим ребенком, зависимость от взрослого и т.д., не менее реальны с динамической точки зрения, чем те или иные физические факты» (там же).

Задача, которую пытается решить Левин, – «научно» уловить «субъективное», поле – то, что существует для субъекта. В поисках средств, которые позволили бы «научно» иметь дело с субъективным, с тем, «что существует для субъекта психологически», Левин обращается к математике. Закономерности психического он пытается выра-

зить математически, добиться научной строгости, используя математические средства. Не отказываясь от принципа значимости индивидуального случая, Левин разрабатывает понятийные средства его описания, вкладывая новое содержание в понятия поля, сил, барьеров, областей. Изменяется роль схем – если раньше они играли роль иллюстраций к тексту, то теперь они приобретают самоценность, и местами сам текст воспринимается как вспомогательное пояснение к схеме.

После книги «Динамическая теория личности» Левин публикует «Принципы топологической психологии» (1936) [9], в которой продолжается движение в направлении формализации и математизации. Содержательно к этому же этапу примыкают и опубликованные несколькими годами позднее работы «Концептуальное представление и измерение психологических сил» (1938) [10] и «Формализация и прогресс в психологии» (1940) [11]. Левин вводит единый математический аппарат и систему понятий, вытекающую из построенной им математической модели (понятия силы, напряжения, расстояния, барьера, локомоции) как связующее средство для разных областей психологии. Испытывая теоретические сложности с объяснением переходов от одного ситуативного поля к другому, Левин пытается преодолеть их с помощью формально-математических средств. Однако формализация не дает выхода к обнаружению новых феноменов или к предсказанию либо изменению поведения. Вместе с тем разработанный Левином концептуальный аппарат теории

поля в последующие годы смог стать для него средством конкретно-психологического анализа.

Одной из наглядных иллюстраций формализации стал переход в статье 1933 года от понятия «побудительность», учитывавшего качественную определенность действий, совершения которых требовал данный предмет, к понятию «валентность», указывавшему лишь на сам факт притягивающей или отталкивающей силы. Вместе с тем Левин и в этом контексте вводит в свою объяснительную модель социальные отношения, указывая, что многие объекты внешнего окружения, формы поведения и цели приобретают

валентность не на основе собственных потребностей ребенка, а посредством запрета, приказа или примера со стороны взрослого.

«...Негативная валентность запрещенного объекта, который сам по себе является привлекательным для ребенка, обычно порождается силовым полем, которое индуцировано взрослым. Если это силовое поле перестает психологически существовать для ребенка (например, если взрослый уходит или теряет свой авторитет), то соответствующая негативная валентность исчезает» (с. 227 наст. изд.).

Третья методологическая программа: от «галилеевского» способа мышления к «левиновскому» (1935—1947) [12]

Со второй половины тридцатых годов, по существу, начинается разработка и реализация третьей методологической программы Курта Левина: построение общего методологического подхода, применимого в разных проблемных сферах психологии, и новой методологии психологического исследования («конструктивного» метода и модели «действенного исследования»).

Теория поля как метод анализа. Уже параллельно с попыткой создания «топологической» психологии Левин пытается осмыслить свой опыт первых лет жизни в Америке после иммиграции и публикует две работы феноменологического, по сути, характера: «Психо-социологические проблемы меньшинств» (1935) и «Некоторые социально-психологические различия

между Соединенными Штатами Америки и Германией» (1935) [13]. В этих статьях Левин пользуется теми же самыми «теоретико-полевыми» понятиями, что и в «Топологической психологии», которую он пишет в это же время. Однако принципиальное отличие этих работ от «Топологической психологии» состоит в том, что Левин не пытается в них построить теоретическую систему, а использует теоретико-полевые понятия (такие как пространство свободного движения и его границы, барьеры между доступными и недоступными областями, физические и социальные «локомоции» и т.д.) как средства анализа феноменально наблюдаемых явлений и свойств.

В последующие годы это изменение функций «теории поля» становится яв-

ным и отчетливо сформулированным: «По своему замыслу, теоретико-полевой подход предназначен быть практическим инструментом исследования» («Теория поля и эксперимент в социальной психологии»). Иначе говоря, изменяется задача – она состоит теперь не в построении всеохватывающей психологической теории (как это было в период создания топологической психологии), а в выработке конкретно-методологических принципов, которые могут использоваться в разных проблемных областях психологии и приводить к построению соответствующих теорий среднего уровня. Под руководством Левина в 1937–39 годах осуществляется еще одна серия блестящих экспериментальных исследований – но уже в новой области: исследования стиля лидерства и влияния на поведение человека демократической, авторитарной и попустительской групповой атмосферы [14].

Эксперименты со стилями лидерства и групповыми атмосферами представляют собой своеобразный переходный мостик от экспериментов берлинского периода к позднейшим исследованиям групповой динамики. Эти эксперименты характеризуются принципиально новыми особенностями. К ним относятся активная позиция экспериментатора (принципиально разная в разных сериях – чего не было в экспериментах берлинского периода) и отсутствие ролевой позиции «испытуемого» (испытуемые приходят не «для эксперимента», а в кружок, для них это – реальная жизнь). Соответственно, нет инструкции, экспериментатор не «про-

водит опыт», а организует реальную жизнь подростков, сам эксперимент становится частью реальной жизни. Что остается от традиционного психологического эксперимента? Только «наивность» испытуемых, от которых скрывается истинная цель исследования, проводимого экспериментатором. В последующих «действенных» исследованиях и этот момент будет упразднен – «наивность» испытуемых будет полностью отменена, они станут не испытуемыми, а участниками семинара, не просто знающими его подлинные цели, но и имеющими возможность участвовать во всех обсуждениях.

Задача, поставленная во «Влиянии сил окружающей среды...» – научно уловить субъективное – получает новое решение: если мы можем экспериментально создавать то или иное «субъективное» поле (в данном случае – авторитарную или демократическую атмосферу), то тем самым мы его научно улавливаем и уже не нуждаемся в его «объективации» с помощью математических формул.

Конструктивный метод. Следующим шагом построения «левиновского» способа мышления можно считать формулирование принципа «конструктивной» методологии и углубление характеристики теории поля как метода. В опубликованной в 1943 году статье «Определение «поля в данный момент времени»» Левин подчеркивает, что «теорию поля едва ли можно назвать теорией в обычном смысле слова».

«По всей вероятности, теорию поля лучше всего охарактеризовать как метод: а именно, метод анализа причин-

ных отношений и построения научных конструктов» (с. 240 наст. изд.). «Каковы принципиальные особенности теории поля? Наиболее важными мне представляются следующие: преобладание конструктивного, а не классифицирующего метода образования понятий; интерес к динамическому аспекту событий; приоритет психологического, а не физического описания; анализ, исходящий из рассмотрения целостной ситуации; различие систематических и исторических проблем; математическое представление поля» (с. 251 наст. изд.). В «Определении поля...» к этому перечню добавляется принцип текущего момента и понятие ситуаций разного масштаба. Характерно, что схемы и формулы снова начинают играть вспомогательную и иллюстративную роль.

В это же время в работах Левина появляется идея «конструктивного» метода. Что же это такое? «Сущность конструктивного метода состоит в представлении индивидуального случая с помощью небольшого числа конструктивных «элементов». В психологии такими элементами могут стать психологическая «позиция», психологические «силы» и подобные понятия. Общие законы психологии суть утверждения об эмпирических взаимоотношениях этих конструктивных элементов или об их свойствах. В соответствии с этими законами можно образовать бесчисленное множество сочетаний конструктивных элементов, и каждое такое сочетание будет соответствовать тому или иному конкретному случаю в определенный момент времени. Таким образом, можно построить мост между

общим и конкретным, между законами и индивидуальными особенностями» (с. 252 наст. изд.).

Еще один важный момент: «Мы можем принимать в расчет как «общие» тенденции, так и более «конкретные» (например, связать общий фактор передвижения из одной области в другую с более конкретным фактором перемещения в неизвестную область или с фактором перемещения из одной социальной группы в другую, и, наконец, с позицией маргинала «между» двумя группами). Вместо того, чтобы собирать изолированные факты, а потом пытаться «синтезировать» их, здесь с самого начала учитывается и представляется вся ситуация в целом. Таким образом, теоретико-полевой подход предполагает метод «последовательного приближения» путем постепенно увеличивающейся конкретизации» (с. 317 наст. изд.).

«Конструктивный метод» Левина предполагает широкое использование «субъективных элементов»: видение ситуации женой или мужем; ценности членов группы и т.д. При этом акцент ставится на анализ индивидуальных случаев и Левин целенаправленно занимается разработкой концептуальных средств такого анализа («метод последовательного приближения» к пониманию данного конкретного случая). По сути, он задает этим новую модель научности, отличную и от «галилеевской» модели берлинского периода, и от математизированной топологической психологии. В основе модели лежит воспроизводимость не факта, а концептуальной схемы анализа и соответ-

ствие выводов реально наблюдаемым феноменам как критерий их правильности.

Посмотрим, как работает конструктивный метод Левина на примере проблемы подросткового возраста («Теория поля и эксперимент в социальной психологии»). Рассматривая подростковый возраст, Левин исходит из очень небольшого числа «конструктивных элементов»: это изменение групповой принадлежности (переход из группы детей в группу взрослых), незнакомость, то есть когнитивная неструктурированность, области, в которую вступает подросток и в которой он должен действовать, тело как одна из центральных областей жизненного пространства (новые, незнакомые телесные ощущения уподоблены уходящей из-под ног почве), дифференциация временной перспективы и необходимость построения планов в обширной и неизведанной области. Реконструировав жизненное пространство подростка с помощью этих элементов, Левин выводит целый ряд характеристик подросткового возраста. Это свойственные подросткам застенчивость и обидчивость, неуверенность поведения и внутренняя конфликтность действий, расшатывание веры в стабильность мира и повышенная агрессивность, «радикализм», крайняя категоричность в суждениях и податливость разным влияниям, готовность следовать за каждым, кто предлагает четко определенную систему ценностей, эмоциональная нестабильность и повышенная чувствительность, общая неуравновешенность поведения. Прин-

ципально важно, что его анализ не исчерпывается дедукцией известных характеристик — он выводит сами условия, при которых будет наблюдаться подростковый кризис, и при которых его не будет. Теоретическая модель порождает концептуальные средства для анализа и понимания ситуации конкретного подростка и психологического консультирования родителей.

Поражает спектр проблем, которыми занимался Левин в эти годы. Вот лишь некоторые из них: анализ подросткового возраста и содержательное определение социальной группы («Теория поля и эксперимент в социальной психологии»); проблемы развития, качественных различий поведения на разных возрастных уровнях и регрессии («Регрессия, ретрогрессия и развитие»); анализ научения как изменения когнитивной структуры и научения как изменения ценностей и валентностей, анализ силового давления в образовании и политике, уровень притязаний и его роль в научении («Теория поля и научения»); анализ психологического прошлого и психологического будущего как составных частей психологического поля, существующего в данный момент, проблема психологической экологии («Определение поля...»); проблемы социального восприятия и интерпретации, анализ социальных образований разного масштаба и тип лидерства и руководства, проблема экспериментирования в реальных жизненных ситуациях, процессы саморегуляции в группе («Проблемы социально-психологического исследования»); проблема социальной саморегуляции и социаль-

ных изменений, уровень агрессивности в демократической и авторитарной атмосферах, анализ ситуаций агрессивной авторитарности и апатичной авторитарности, влияние групповой атмосферы и групповых стандартов на тип индивидуального поведения, проблемы увеличения производительности труда, изменение социальных навыков и изменение групповых стандартов, эффективность принятия группового решения («Передовые рубежи...»). Левин оказал влияние на очень многие разделы общей, социальной, возрастной, педагогической психологии, психологии труда и управления, экологической психологии. Он стоит у истоков современной конфликтологии, психологии среды, групповых методов (групповой дискуссии и групповой терапии) и многого другого.

Вопреки расхожему мнению, в этот период Левин вовсе не перестает интересоваться проблемами личности, но личность предстает в его поздних работах более полно—в контексте своей социальной ситуации («Психо-социологические проблемы меньшинств»). Продолжаются исследования уровня притязаний, исследования фрустрации и регрессии [15]. Психология теперь выступает для него уже не как часть биологии, а как одна из социальных наук.

Развитию личности посвящена и последняя крупная работа Левина: «Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом» (1946) – наиболее полное и целостное изложение того, что можно назвать «психологией с теоретико-полевой точки

зрения». Общая задача звучит у Левина так: «Если мы хотим использовать все множество известных науке фактов о развитии, личности, человеческих взаимоотношениях, познании и мотивации для понимания поведения любого конкретного человека, а также для предсказания этого поведения или управления им, то эти данные необходимо связать между собой таким образом, чтобы они были приложимы к данному человеку в данный момент времени» (с. 372 наст. изд.).

В этой работе Левин реализует «принцип последовательного приближения» к анализу конкретной ситуации конкретного ребенка. Прежде всего формулируются основные методологические положения и понятия: понятия жизненного пространства и психологического поля, принцип общезначимости закона, различие динамических и фенотипических свойств, понятие макро- и микроскопических единиц анализа. Затем, переходя на более конкретный уровень анализа, Левин излагает теорию поведения, определяемого конкретным психологическим полем, в которую вошли в той или иной форме все проблемы, занимавшие его в разные периоды научной деятельности. Они делятся в работе на несколько содержательных блоков.

Первый блок проблем образует когнитивная структура жизненного пространства: дифференциация измерений жизненного пространства (выделение психологического настоящего, прошлого и будущего), разделение уровней реального и ирреального; регрессия. Например, из положения о по-

степенности дифференциации уровней реального и ирреального следует, что «у маленького ребенка граница между правдой и ложью, восприятием и воображением является менее четкой, чем у более старших детей» – а это важно понимать всем, кто практически работает с детьми. Второй блок – проблемы местоположения индивида в жизненном пространстве, доступность и недоступность областей жизненного пространства, передвижение в нем. Конкретные феномены, относящиеся к этому блоку: адаптация к ситуации, проблемы групповой принадлежности (в том числе — различия ощущения групповой принадлежности в авторитарной и демократической групповой атмосфере). Третий блок – изменения когнитивной структуры. Конкретные феномены: проблема обходного пути и инсайта, научение как структурирование и дифференциация прежде неструктурированной области, неоднозначная роль повторения при научении. Четвертый блок – проблемы психологических сил и силовых полей. Конкретные феномены: ситуация почти достигнутой цели, проблема соотношения «личных» и «безличных» сил в той или иной ситуации. Анализ ситуаций мотивационного конфликта (в том числе ситуации власти взрослого над ребенком) и их основные типы, «выход из поля», эмоциональное напряжение и беспокойство. Пятый блок – наложение ситуаций. Конкретные феномены: наложение деятельностей, процесс принятия решения, влияние группы на индивида, влияние маргинальной позиции. Шестой блок – факторы, определяющие поле и его изменения. Речь идет о проблеме потребностей и

валентностей. Конкретные феномены: влияние состояния потребностей на когнитивную структуру, реальное и замещающее удовлетворение потребности. Седьмой блок – изменение потребностей и целей. Конкретные феномены: настойчивость, влияние уровня трудности, психологическое насыщение, намерение как создание квазипотребности, уровень притязаний и факторы, его определяющие, степень зрелости притязаний, проблема индуцированных потребностей и источников идеологии, эгоизм и альтруизм, подчинение и социальное давление, принятие чужих целей, ситуации агрессивной и апатичной авторитарности, принятие групповых целей.

Как и в случае анализа подросткового возраста, последовательная конкретизация анализа выводит нас на уровень, на котором уже можно рассматривать жизненную ситуацию конкретного ребенка, а значит, можно давать консультации его родителям о том, как решать те или иные проблемы его развития. Левин активно пользуется «конструктивной» методологией для анализа социальных проблем в вышедших в 40-е годы статьях («Воспитание еврейского ребенка», «Ненависть к самим себе в еврейской среде», «Перед лицом опасности», «Реконструкция культуры», «Германия: особый случай», «Модели поведения, понимание и принятие новых ценностей»), вошедших в посмертный сборник «Разрешение социальных конфликтов». В работах этого периода Левин дал образцы конкретно-психологического анализа различных социальных явлений – от су-

пруджеских конфликтов и проблем подросткового возраста до проблем построения демократического общества в стране с сильными авторитарными традициями – и показал возможность экспериментирования в социальном пространстве (классическое исследование стилия руководства).

Действенное исследование. В последние годы жизни (в этот период был создан Центр исследований групповой динамики) Левин со своими учениками приходит к модели «действенного» исследования [16].

Основная идея действенного(или фундаментального прикладного) исследования состоит в том, что существенным его моментом является изменение ситуации (реальное или намечаемое). Психологическое исследование выступает как составная часть решения реальных социальных задач, например таких, как изменение межгрупповых отношений. «Процесс исследования социальной ситуации должен стать составной частью организации любого образовательного процесса, связанного с осуществлением социальных действий» [17]. Левин описывает соотношение действия, исследования и тренинга в виде треугольника, «разрушение которого крайне негативно отразится на качествах трех его составляющих и на осуществлении наших целей в общем» [18]. Левин рассматривал это в контексте «социальной сферы», но не относится ли это к любым вопросам психологии?

«Левиновский способ мышления». Разработка модели действенного исследования добавляет последний важ-

ный штрих к тому, что можно назвать «левиновским способом мышления» в психологии. В чем же состоит этот способ, красной нитью проходящий через сменяющиеся исследовательские программы?

1. Выбор в качестве предмета исследования жизненно значимых проблем и явлений, в том числе и самых сложных. Анализ реальных жизненных ситуаций с реальными проблемами.
2. Значимость всего того, что существует для субъекта психологически, и соединение в едином исследовании «объективных» (полученных в результате наблюдения) и «субъективных» (полученных благодаря общению с участником исследования) представлений ситуации. Понятие психологического поля как всего, что существует для индивида психологически.
3. Разведение фено- и генотипа – умение выделять «генотипические» характеристики реальных жизненных ситуаций (групповая атмосфера, супружеские конфликты и т.д.), на основе этого – построение теоретической модели исследуемого явления или процесса с помощью «теоретико-полевых» понятий.
4. Типологический анализ и выделение каузально-генетических типов (типы ситуаций обещания награды и угрозы наказания, типы конфликтных ситуаций, типы лидерства и групповой атмосферы, типы сил, действующих на индивида, типы жизненного пространства и т.д.).

5. Конструктивный метод: теоретическая реконструкция уникальной индивидуальной ситуации с помощью небольшого числа базовых конструктивных элементов.
6. Метод последовательного приближения от общей структуры ситуации к полноте реальности данного индивидуального случая. Использование общих теоретических моделей (например, виды конфликтов) как исходного момента для анализа данного индивидуального случая, а не для подведения его под тип; фактическое построение теоретических моделей разного уровня общности: общих (виды конфликтных ситуаций, стили руководства; разная степень общности: ситуации мотивационного конфликта – конфликты в ситуации угрозы наказания или обещания награды, в ситуации супружества и т.д.) и «индивидуальных» (анализ конкретного производственного конфликта, анализ поведения конкретного ребенка в авторитарной и демократической группе).
7. «Действенное» исследование. Реальное изменение ситуации как существенный момент исследования. Снятие противостояния «теоретического», «экспериментального» и «прикладного исследования» – теоретические модели становятся важнейшим средством решения реальных «практических задач» («нет ничего практичнее хорошей теории»).
8. Общение исследователя с участниками исследования. Работа с сознанием участников исследования

(«испытуемыми» их уже не назывешь), обучение и обсуждение как часть действенного исследования. Включенность исследователя в ситуацию в противоположность позиции «над». Принципиальное равноправие исследователя и участника.

В заключение отметим, что Левин разработал методологию «действенного исследования» применительно к сфере социальных проблем. Остается задача разработки действенного исследования в двух других основных сферах левиновских интересов: по отношению к проблемам личности и развития ребенка. «Действенные» исследования в области работы с группами породили практику организационного консультирования. Сфера образования более консервативна, чем бизнес. Разработать и осуществить действенные исследования в области развития ребенка, использовать левиновский анализ (начиная с ситуации награды и наказания, влияния демократической и авторитарной атмосфер, влияния успеха и неуспеха на мотивацию и т.д.) и создать аналогичную практику в области образования – один из вызовов психологии XXI века.

Составители данного издания стремились сделать этот том максимально репрезентативным, дающим целостное представление о главном направлении работы Курта Левина в разные периоды его жизни и его главных вкладах в психологическую теорию и методологию. Перевод книги «Намерение, воля и потребность» (с немецкого) выполнен совместно Д.А. Леонтьевым и Е.Ю. Патяевой, перевод работы Т. Дембо

«Гнев как динамическая проблема» (с немецкого) – Д.А. Леонтьевым, переводы остальных работ, включенных в это издание (с немецкого и английского) – Е.Ю. Патяевой.

Мы хотели бы поблагодарить за ценные консультации, которыми мы воспользовались при составлении книги, а также за помощь в получении необходимых первоисточников, в том числе архивных материалов, Владимира Альбертовича Зейгарника, профессора Московского университета Галину Михайловну Андрееву и преподавателя Балларатского университета (Австралия) Евгения Эйдмана. Особенно ценной и многогранной была помощь профессора Дрезденского университета (ФРГ) Бориса Митрофановича Величковского. Наша специальная благодарность — Обществу изучения гештальт-теории и ее приложений (ФРГ) и его Почетному председателю доктору Хансу-Юргену Вальтеру за присланную уникальную фотографию К. Левина и Б. Зейгарник и разрешение воспро-

извести ее в этой книге. Мы также хотели бы выразить благодарность неизвестному (несмотря на наши долгие старания установить авторство) автору машинописного перевода книги Левина «Намерение, воля и потребность», хранившегося в библиотеке факультета психологии МГУ с незапамятных времен. Этот перевод произвел на нас обоим неизгладимое впечатление еще в студенческие годы, и мы отчасти воспользовались им при подготовке нашего перевода. Отдельное спасибо Институту «Открытое общество» за создание финансовых и организационных условий, позволивших подготовить эту книгу с той тщательностью, которой она заслуживает. И, пожалуй, самое главное — возможно, у нас никогда не возникло бы намерение сделать эту книгу, если бы не импульс, полученный нами в студенческие годы от Блюмы Вульфовны Зейгарник, у которой мы имели счастливую возможность лично учиться психологии, и которой мы посвящаем этот труд.

Список литературы

1. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1998.
2. Материалы этой переписки сохранились в архиве Психологического института Гумбольдтовского университета в Берлине. Копии писем, переданные Б.В. Зейгарник бывшим директором этого института проф. Ф. Кликсом и хранящиеся в ее архиве, были любезно предоставлены авторам В.А. Зейгарником.
3. Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.
5. Гришина Н.В. Курт Левин: жизнь и судьба // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 6-99.
6. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
7. Леонтьев А.Н., Розенблюм А.Н. Психологическое исследование де-

- тельности и интересов посетителей Центрального Парка культуры и отдыха им. Горького (Предварительное сообщение) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999.– С. 370-425.
8. Lewin K.A. *Dynamic Theory of Personality* N.Y McGraw-Hill, 1935.
 9. Lewin K *Principles of Topological Psychology* NY McGraw-Hill, 1936.
 10. Lewin K *The Conceptual Representation and Measurement of Psychological Forces* Duke University Contributions to Psychological Theory. 1938 I (4).
 11. Lewin K. *Formalization and Progress in Psychology* // University of Iowa Studies: Studies in Child Welfare. 1940. 16 (3). P. 7-42.
 12. Хронологические границы выделяемых периодов достаточно условны, ибо какое-то время вторая и третья программа осуществляются параллельно: статьи, содержательно относящиеся к этапу формализации (работы «Концептуальное представление и измерение психологических сил» (1938) и «Формализация и прогресс в психологии» (1940), публикуются параллельно с исследованиями, в которых закладываются основы новой методологии.
 13. См.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. – с. 292-309 и 106-147.
 14. Там же, с. 198-214. См. также статью «Теория поля и эксперимент в социальной психологии» в наст. изд. с. 303-320.
 15. См.: Регрессия, ретрогрессия и развитие. Наст. изд. С. 271-302, а также: Левин К. Временная перспектива и моральное состояние // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. – с. 239-268.
 16. См.: Левин К. Действенное исследование и проблемы меньшинств // Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. – 366 – 386.
 17. Там же, с. 374. Подробнее о действенном исследовании см.: Гришина Н.В. Курт Левин.

GOLDEN PAGES

KURT LEWIN

Methodologist of scientific psychology

If we try to form a rating of sorts for psychologists based on their influence on the development of psychology both during their lifetime and posthumously, there is no doubt that Kurt Lewin will, without any doubt, make it to the top ten. Gordon Allport in his article with an impressive title «The genius of Kurt Lewin» dubs Lewin the most authentic

brain of the 20th century [1]. Kurt Lewin didn't live to become even 60, but a few people have had such strong and comprehensive influence on various spheres of psychology as he has. He not only contributed to the development of psychological knowledge, but also defined the directions in which it later developed and the forms that this knowledge took.